

ПРАКТИКАНТКА
для тёмного эльфа

Хелена Винтер

Практикантка для темного эльфа

«Автор»

2026

Винтер Х.

Практикантка для темного эльфа / Х. Винтер — «Автор», 2026

Что делать, если тебя отправили на практику к тёмному эльфу, а он оказался не мрачным злодеем, а просто очень уставшим принцем с секретом? Лира Ветрова — боевик-демонолог, катастрофа Академии Северного Ветра и просто девушка, которая не умеет проходить мимо проблем. Когда ректор отправляет её в замок Тёмного Леса, она ожидает встретить чудовище. Но находит Костиэля — тёмного эльфа, принца в изгнании, который пытается закрыть древние пентаграммы, сдерживающие бесенят, и скрывает тайну, способную изменить всё. Вместе с наглым светлым эльфом Фейном, домовым Мыколой и бесёнком Мурзиком Лира ввязывается в историю о безумном маге, Кристалле Стихий и культе, который хочет вернуть древнюю силу. А ещё — о том, что даже тёмный эльф может оказаться не таким уж тёмным, если рядом есть кто-то, кто не боится остаться. Юмористическое фэнтези о магии, приключениях и о том, что любовь иногда приходит в самом неожиданном обличье — с фиолетовыми глазами и очень вредным характером.

© Винтер Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Хелена Винтер

Практикантка для темного эльфа

Глава

Практикантка для темного эльфа

Глава 1. Практика, которой не было в расписании

Ли́ра Ветро́ва гордилась тем, что за два с половиной года обучения её ни разу не отчислили.

Хотя пробовали. Дважды.

В первый раз — когда она подожгла кабинет зельеварения. Во второй — на зачёте по демонологии: демон, которого следовало предъявить комиссии, выбрался из ловушки, а Ли́ра наотрез отказалась его ловить, потому что «он так жалобно смотрел». Оба раза её вытащил ректор, и оба раза повторил одно и то же: «У Ветровой исключительный потенциал». Какой именно, он не уточнял ни разу. В Академии Северного Ветра после таких оговорок обычно проверяли замки на лабораториях.

Ли́ра была из тех, кого не замечаешь с первого взгляда, а потом уже не можешь не замечать. Метр шестьдесят с небольшим, тёмно-русые волосы до плеч, которые к вечеру всегда выбивались из косы — упрямые, как хозяйка, — и серо-зелёные глаза с тёплой искоркой, появлявшейся, когда она улыбалась или задумывала что-нибудь особенно безрассудное. Задумывала она это часто. Мантия на ней сидела косо, рукава были подкатаны до локтя, а на запястьях болтались тонкий шнурок с деревянной бусиной — бабушкин талисман, с которым она не расставалась даже на экзаменах. Огонь слушался её легко, почти играючи. Воздух — ещё легче. Воду и землю она не трогала: не её профиль, для этого в Академии есть другие факультеты.

— Ветро́ва! — Голос ректора накрыл аудиторию, как гром среди ясного неба. — Почему отчёт опять не сдан?

Ли́ра подняла голову от конспекта. На полях сидел котик. Пушистый, с усами в три волоска и хвостом, закрученным кренделем, — нарисованный с той тщательностью, которой не хватало её отчётам.

— Так демон сбежал, — честно сказала она. — А без демона какой отчёт?

— Демон сбежал, потому что ты его из ловушки выпустила!

— Он так жалобно на меня смотрел...

Феликс Мрачный, архимаг и ректор Академии Северного Ветра, взялся за сердце. Сердце у него было крепкое, проверенное десятилетиями студенческих выходок, но Ветро́ва испытывала его на прочность регулярно. Высокий, сухой, седой, с бородой, которая росла с таким достоинством, будто жила собственной жизнью. Глаза — цвета грозового неба, мантия — чёрная, без единого пятна. Студенты считали, что фамилия обязывает. Ректор считал, что обязывает должность.

— Завтра, — прошипел он, — ты отправишься на индивидуальную практику. В замок Тёмного Леса.

Ли́ра насторожилась. О замке в Академии ходили легенды. Одна страшнее другой. И заканчивались они одинаково: «...и студент пропал без вести».

— А что там?

— Ничего особенного. — Ректор пожал плечами, словно речь шла о заблудившемся котёнке. — Всего лишь наследный принц тёмных эльфов. Тебе нужно будет... э-э-э... пройти у него практику.

— Я?! Практику с тёмным эльфом?!

— Ты боевик Академии. — Он развёл руками. — Практика. Зачёт. Или отчисление. Выбирай.

Лира выбрала зачёт.

Ректор смотрел, как она выходит из аудитории — с прямой спиной, с этим её упрямым подбородком, — и думал о том, что знал давно. Потенциал у Ветровой огромный. Необузданный, дикий, но огромный. Ум острый, быстрый, беспощадный: она схватывала на лету то, на что другим требовались годы, и находила решение там, где его, казалось, не было. Направить этот потенциал — выйдет толк. Не направить — выйдет катастрофа. Впрочем, с Лирой Ветровой всегда выходила катастрофа. Просто иногда — с толком.

Индивидуальная практика в Академии Северного Ветра считалась делом серьёзным. Задание студент получал от ректората, выполнял один, без куратора за спиной, и защищал перед комиссией — обычно уже перед выпуском, чтобы доказать, что он не только зубрил учебники, но и умеет применять магию в мире, где за ошибку не ставят «неуд».

Задания бывали разные. Охрана важной персоны. Расследование магических аномалий. Умирение нечисти в деревнях, где пастухи перестали выгонять скот за околицу. Наставничество над младшими курсами, наконец. Случай Ветровой в этот перечень не входил. В ректорате его записали отдельной строкой и без особой радости — в графе «иное».

Задание выглядело так:

«Студентке боевого факультета Лире Ветровой надлежит отправиться в замок Тёмного Леса, где проживает Костиэль тер Аэлион, принц крови Тёмного Двора, находящийся в добровольном изгнании. Цель практики: установить контакт с объектом, изучить его поведение, магические способности и намерения. Срок — один месяц. По итогам: письменный отчёт, устная защита».

Проще говоря — выяснить, опасен ли тёмный эльф, и не съест ли он практикантку раньше, чем та соберёт материал.

Лира перечитала бумагу дважды. «Объект», «контакт», «намерения» — язык, на котором в Академии описывали то, о чём не хотели говорить прямо: иди в логово, посмотри, что там, а если не вернёшься, комиссия сочтёт это результатом.

Собираясь в дорогу, она в очередной раз подумала о том, как устроен мир.

Мир назывался Арденвель. Здесь магия текла по жилам всего, что дышало, — в кровь, в сок деревьев, в воду; здесь по ночам в небе висели две луны, белая Селена и багровая Морна, и граница между светом и тьмой была куда менее чёткой, чем хотелось бы архимагам.

Королевств было несколько. На севере лежала Валдрия — холодная, суровая, с бескрайними лесами и древними горами; на краю её, у самых ничейных земель, и стояла Академия Северного Ветра. На юге грелся Солнечный Престол, где правили люди. На востоке стоял Тёмный Двор — о нём в Академии рассказывали с той осторожной обстоятельностью, с какой обычно рассказывают о болезнях. А за Морем Туманов, на самом краю карты, жили драконы, до которых ни одному архимагу не было дела, пока драконы отвечали взаимностью.

Тёмные эльфы считались народом древним. Они жили дольше людей, видели больше, помнили глубже — настолько, что их память в Академии называли второй библиотекой. Их магия была тёмной не в смысле злой, а по природе: тень, ночь, кровь. Короли носили титул Тёмного Престола, и их кровь считалась одновременно проклятой и благословенной. Чужаков Тёмный Двор не любил. Чужаки не оставались в долгу.

Академия Магии Северного Ветра стояла на границе Валдри и ничейных земель, и в Валдри к ней привыкли, как к погоде — к серым стенам в плюще, к шпилям, которые в тумане казались выше, чем были, к окнам, которые иногда провожали тебя взглядом, когда ты уже отвернулся. Поговаривали, что Академия старше королевства, но проверить это было некому.

В Академии было четыре факультета: боевой, целительский, природный и артефакторный. Лира училась на боевом, третьим курсом. Демонология там шла отдельной кафедрой —

для тех, кому потом придётся иметь дело с тем, что лезет из щелей, — и Лира числилась по ней; оставалось закрыть практики и, главное, отчёт по демонологии, который она не сдавала с зимы.

Глава 2. Знакомство с катастрофой

Замок Тёмного Леса не был похож на людские крепости. Те давят на путника тяжестью камня, страшат башнями, рвами и решётками на воротах — сразу видно, что строили их от страха.

Этот замок вырос из леса, как выросло бы дерево, если бы дереву вздумалось стать крепостью. Чёрный камень, гладкий, будто отполированный веками, переплетался с серебристыми нитями — то ли лозами, то ли чем-то, чему в человеческом языке не было названия. Шпили закручивались спиралями, тонкие и острые, как клинки; между ними висели мосты — лёгкие, ажурные, сплетённые, казалось, из лунного света и тени.

Стены дышали. Лира смотрела на них, задрав голову, и ждала, когда ей это покажется. Не показалось. Камень поднимался и опадal — медленно, глубоко, как спина спящего.

Она читала о таком. В книгах, которые в Академии выдавали только с разрешения ректора и только под расписку.

Замок стоял на краю Тёмного Леса — древнего, густого, где даже в полдень было сумеречно. Но лес вокруг замка вёл себя иначе. Он не пугал. Он смотрел. Высокие деревья с серебристой корой держали ветви так, что в узоре над головой угадывался порядок, и Лира поймала себя на том, что пытается его прочесть. Говорили, лес помнит времена, когда Тёмный Двор ещё не назывался королевством. Говорили, он не любит чужих. Лира в сказки не верила, но всю дорогу от ничейных земель чувствовала между лопатками чей-то внимательный взгляд и ни разу не обернулась — из принципа.

Двери открылись сами. Без скрипа, без натуги, плавно, как занавес.

Лира шагнула внутрь — и остановилась.

Внутри замок оказался не мрачным. Высокие своды терялись в полумраке, по стенам струился мягкий фиолетовый свет — тот же, что в окнах, — и в прохладном воздухе пахло не пылью и не сыростью, а ночным ветром и старой бумагой. Где-то в глубине коридоров позвякивало: не музыка, а будто кто-то перебирал хрустальные струны и всякий раз забывал, что хотел сыграть.

А потом она увидела его.

Он стоял посреди зала — один, без охраны, без свиты. Словно ждал. Словно знал, что она войдёт именно сейчас, именно в эту минуту.

Тёмный эльф. Принц. И, судя по лицу, он уже знал, зачем она пришла.

Костиэль тер Аэлион был высок — почти два метра, если считать вместе с надменностью. Волосы цвета воронова крыла, длинные, заплетённые в сложную косу, которая при каждом движении головы ложилась на плечо слишком изящно для неживой. Глаза — тёмно-фиолетовые, как небо перед грозой, с вертикальным зрачком, выдававшим древнюю кровь. Кожа бледная, почти светящаяся в полумраке, черты лица острые, будто вырезанные. Красив — той красотой, от которой хочется отойти на шаг и проверить, нет ли за спиной стены.

Одет он был в чёрный камзол с серебряной вышивкой — змея, кусающая свой хвост. На пальцах кольца с тёмными камнями. На поясе кинжал, который, судя по рукояти, знал, что такое кровь, и не считал это событием.

Лира смотрела на него и думала не о том, что он красив. Она думала, что он похож на клинок. Отточенный, дорогой, смертоносный, знающий себе цену. И что с таким клинком можно порезаться именно тогда, когда решишь, что научился с ним обращаться.

Первым заговорил эльф.

— Очередная? — протянул он, оглядывая её с ног до головы. Медленно, не пытаясь это скрыть. — Академия обеднела. Раньше присылали магистров.

— И чем кончилось?

— Тем, что теперь присылают вас.

Голос низкий, с ленцой — как у того, кому всё равно. Или как у того, кому очень хочется, чтобы все думали, будто ему всё равно.

Лира вскинула голову.

— Я не студентка. Я практикантка. Это разные вещи.

— И в чём разница?

— Студентку можно отчислить. А практикантку придётся дотерпеть.

Эльф усмехнулся. Усмешка у него была красивая и неприятная — как дорогой нож.

— Что ж, практикантка. Костиэль тер Аэлион, принц крови, наследник Тёмного Престола. Я не нуждаюсь в присмотре. Особенно от смертных.

— А я не собираюсь за вами присматривать, — сказала Лира. — Я собираюсь написать отчёт и уехать. Для этого мне нужно, чтобы вы иногда бывали в поле зрения.

Он смотрел на неё сверху вниз. Между ними было шагов пять — и целая пропасть, из тех, что берутся не расстоянием.

— Ну ладно, принц крови, — Лира скрестила руки на груди. — Раз вы такой занятой, почему вас сослали сюда? В глушь, в холод, в общество одних теней?

Лицо Костиэля изменилось. Насмешка ушла, как вода в песок, и осталось ровное, отстранённое выражение — словно он захлопнул дверь изнутри и повернул ключ.

— Это не ваше дело.

— Моё. У меня практика и отчёт. Для отчёта нужен материал, а материал — вы.

— Пишите: «Принц отказался от практики. Практика провалена».

— Не дождётесь. Я не собираюсь проваливаться из-за эльфа с манией величия.

Костиэль шагнул вперёд. Один шаг — а воздух вокруг него сделался холоднее, как у открытой зимой двери.

— Мания величия, — повторил он тихо. — Я принц крови. Наследник Тёмного Престола. Я тот, кто мог бы стать королём. И это вы называете манией величия?

— А что, нет? — Лира не отступила. — Вы стоите в пустом замке, играете в обиженного и ждёте, чтобы все перед вами пресмыкались. Знаете, как это называется? Испорченный ребёнок. Я пока не решила, что точнее.

Тишина стала абсолютной. Даже перезвон в глубине коридоров смолк — Лира готова была поклясться, что замок прислушивается.

А потом Костиэль рассмеялся.

Не громко, не весело — коротко, будто это вырвалось против его воли, и он тут же об этом пожалел.

— Странная вы, — сказал он. — Смертная. Практикантка. Стоите посреди моего замка и хамите мне.

— А что, уже кто-то хамил до меня?

— Все боялся.

— Я не все.

Они уставились друг на друга. В воздухе что-то заискрилось — возможно, магия, возможно, взаимная неприязнь; в Академии Лире объясняли, что это разные вещи, но на практике они выглядели одинаково.

— Знаете, — медленно произнёс Костиэль, — кажется, мы не сработаемся.

— Мне тоже так кажется, — отрезала Лира. — Но у меня зачёт, а у вас скука. Так что придётся.

Он изучал её ещё долго — так, словно пытался понять, что за существо стоит перед ним и почему оно не боится тёмного эльфа в его собственном замке. Лира выдержала взгляд. Не опустила глаза. Не переступила с ноги на ногу, хотя очень хотелось.

— Что ж, — сказал он наконец. — Посмотрим, на сколько вас хватит.

— На дольше, чем вы думаете.

И в этот момент где-то в глубине замка что-то гулко ухнуло. Потом ещё раз. Потом послышался голос — ворчливый, недовольный и очень неэльфийский:

— Ходят тут! Топчут! А убирать кто будет?!

Костиэль закатил глаза.

— Мыкола, — сказал он устало. — Домовой.

— У вас тут домовой? — Лира оживилась.

— К сожалению.

— Это лучшая новость за сегодня.

И она, не спрашивая разрешения, шагнула навстречу ворчанию, гулким ударам и новой жизни.

Костиэль смотрел ей вслед. И на его лице было выражение тёмного эльфа, который только что понял: спокойные дни закончились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.